

То, что Цуй Сянь называл «брать заказы», включало в себя всё подряд: коммерческие выступления, разъездные подработки, рекламные контракты, ведение мероприятий, участие в показах и прочую работу из индустрии развлечений. Вот только агентство уже закрылось, хозяин сбежал, и теперь даже такие мелкие заказы стало куда труднее находить.

Зато теперь у него прибавилось несколько новых «профессий». С Юань Чжэнчу рядом можно было ещё и изгонять нечисть, ловить призраков, выбирать место для могилы и смотреть фэншуй домов - прямо-таки рубить курицу ножом для быка, проще простого.

Но, если говорить по правде, с делами старой усадьбы он пока так и не разобрался, поэтому побаивался надолго уходить из дома. Мало ли что случится снаружи, ведь Юань Чжэнчу тоже не может следовать за ним круглые сутки.

С той самой ночи, когда он спас душу друга детства и сам толком не понимая как отправил её напрямую в шесть путей перерождения, у ворот каждое утро появлялась толстая стопка кроваво-красных визитных посланий. Подписи внизу выглядели так, будто были выведены свежей кровью, и все до единой принадлежали каким-то древним старым призракам. От одного взгляда на эти имена у Цуй Сяня начинала неметь кожа на голове.

Новый поворот появился, когда с Лунхушаня снова прислали людей. На этот раз они уже не настаивали, чтобы Юань Чжэнчу непременно приехал с официальным визитом, а вместо этого старший ученик Небесного наставника почтительно доставил целый свёрток вещей.

Этого старшего ученика звали Чжан Шоушань. На вид он был довольно молод, глаза всё время щурил, и, если говорить откровенно, добропорядочным человеком совершенно не казался.

Любопытство у Цуй Сяня разыграло, и он очень тихо спросил Юань Чжэнчу:

— Он ведь Чжан... Так у их Небесного наставника Чжана что, жена и дети есть?

Юань Чжэнчу покачал головой и совершенно серьёзно, нисколько не понижая голоса, ответил:

— Фамилию ему даровали. Обычно так поступают с теми, кого растят как преемника следующего поколения.

Чжан Шоушань с приветливой улыбкой поклонился и скромно сказал:

— Дядя-наставник Юань слишком высоко меня оценивает. Я ношу фамилию Чжан лишь потому, что учитель подобрал меня ещё ребёнком. Какой была моя изначальная фамилия, неизвестно, поэтому я просто взял фамилию наставника.

Цуй Сянь потёр нос.

Чжан Шоушань приоткрыл глаза и внимательно посмотрел на него, но Юань Чжэнчу молча шагнул вперёд и закрыл Цуй Сяня от его взгляда.

— Есть дело - говори. Нет дела - можешь идти.

Чжан Шоушань улыбнулся. Он уже слышал о нелюдимом и своенравном характере Небесного наставника Юаня. Говорили, что в тот день тот изначально собирался нанести официальный визит на гору, и наверху уже всё подготовили, однако молодой Небесный наставник Юань дошёл лишь до подножия, после чего с каменным лицом, не говоря ни слова, вскочил на меч и улетел. Двое надзирателей, Чжан Хунлин и Чжан Хунцин, весь день провозились с экстренным оформлением разрешений и остались весьма недовольны.

— Дело вот в чём. Через два месяца состоится проводимое раз в три года собрание цзяо мира мистических искусств. Все даосы, которые за эти три года вступили на Путь и имеют официальную линию наставничества, обязаны принять в нём участие. Обмен опытом и состязания - дело второстепенное; главное - проверить характер и способности к постижению, чтобы затем выдать удостоверение, подтверждающее право официально вступить на Путь.

Оба собеседника тут же посмотрели на него с одинаковыми унылыми рыбьими глазами. Смысл был предельно ясен: и какое это имеет отношение к нам?

Улыбка Чжан Шоушаня не изменилась.

— Я слышал, что дядя-наставник Юань принял ученика. Полагаю, это как раз господин, стоящий у вас за спиной. По правилам вас обоих должны пригласить на обрядовое собрание. Пропуска для входа на гору уже лежат в свёртке. К тому времени единомышленники со всех концов света соберутся вместе, и этот скромный даос будет ждать вас обоих на Лунхушане.

Юань Чжэнчу покачал головой:

— В собрании мы участвовать не будем.

Цуй Сянь уже понял: раз этот человек сумел найти старую усадьбу рода Цуй, значит, наверняка уже слышал о том переполохе, который поднялся среди призраков и демонов в окрестностях Чжоушаня из-за слухов, что Судья Цуй собирается снова открыть двери. Только вот чего именно добивался Лунхушань, пока было непонятно.

Едва Юань Чжэнчу отказался, Чжан Шоушань всё с той же добродушной улыбкой продолжил:

— В последние годы развелось немало мошенников, прикрывающихся именем даосов, да и среди настоящих практиков встречаются люди самого разного качества. Поэтому и были введены такие правила. Если не участвовать в собрании, удостоверение даоса получить нельзя. А без удостоверения сейчас запрещено открывать алтари, проводить обряды и заниматься

любой подобной коммерческой деятельностью.

Затем он специально повернулся к Цуй Сяню, стоявшему рядом с Юань Чжэнчу, и мягко добавил:

— За нарушение полагается штраф. Крупный штраф. А в особо серьезных случаях - лишение свободы на срок от трёх до двадцати лет.

Цуй Сянь слушал с открытым ртом. Если перевести всё сказанное на понятный язык, выходило следующее: не пойдёшь на собрание - род Цуй не сможет открыть двери. Род Цуй не откроет двери - старые призраки и древние демоны задолбают его по несколько писем в день. А заодно они лишатся возможности брать заказы на изгнание нечисти и ловлю призраков.

Поэтому лицо Цуй Сяня мгновенно преобразилось. И следующие несколько минут Юань Чжэнчу собственными глазами наблюдал, как Цуй Сянь вдруг завёл с первым учеником Лунхушаня оживлённейшую беседу, словно они встретили друг друга слишком поздно.

Перед уходом Чжан Шоушань не забыл обернуться:

— Ах да, чуть не забыл. Дядя-наставник Юань, сейчас ограничения на полёты очень строгие. Перед полётом нужно заранее подавать заявку на воздушный маршрут, а это очень дорого. Так что в следующий раз, когда приедете на Лунхушань, не забудьте купить билет. Корешок сохраните - мы возместим расходы.

Стоило ему уйти, как Цуй Сянь цокнул языком:

— Этот узкоглазый тип и правда умеет с людьми говорить по-человечески, а с духами - на духовном.

Юань Чжэнчу скрестил руки на груди и покосился на беспрерывно болтавший рот Цуй Сяня.

— По-моему, ты ему ничуть не уступаешь.

Цуй Сянь хихикнул:

— Буду считать это комплиментом.

После этого он между делом развязал свёрток, который принёс Чжан Шоушань. Помимо обычных подарков к визиту, внутри лежали жёлтая книжечка и два пропуска. Жёлтая книжечка оказалась «Начальным руководством по даосской практике». В ней перечислялось множество правил, которые современные практики обязаны были соблюдать в обычном мире. Вторым пунктом, выделенным жирным красным шрифтом, значилось: «Запрещается без

уважительной причины использовать магические артефакты для полётов на большой высоте».

Похоже, это было написано специально для них двоих. Видимо, разрешение на воздушный маршрут для полёта Юань Чжэнчу на мече в тот день действительно обошлось недёшево...

Два пропуска и вовсе больше напоминали талисманы, только на каждом было указано имя. На одном - Юань Чжэнчу. На другом - Цуй Сянь.

Цуй Сянь холодно усмехнулся. Выходит, всю его подноготную уже давно раскопали. А этот Чжан только что всё прекрасно знал и нарочно прикидывался ничего не понимающим. Пришёл он явно не с добрыми намерениями.

— Ты можешь и не идти.

Это были всего лишь правила, установленные некоторыми людьми после того, как в их руках оказалась власть. На вид они звучали довольно устрашающе, но на практике для такого Небесного наставника, как Юань Чжэнчу, и для рода Судей Цуй, существовавшего в мире людей уже неизвестно сколько сотен лет, особых ограничений не представляли.

Цуй Сянь кивнул. Пока было непонятно, кто враг, а кто друг, лучше всего, конечно, тихо сидеть и не высовываться. Даже если в итоге действительно придётся ехать, надо будет по возможности скрыть свою личность и просто формально пройти через всё мероприятие.

После этого они ещё долго всё обсуждали и в конце концов решили, что Цуй Сянь по-прежнему будет глубокой ночью зажигать Лампу пробуждения душ и открывать двери, только число посетителей каждый день придётся ограничить. Иначе Цуй Сянь просто не выдерживал. Ведь каждый раз, когда он открывал двери и переправлял душу, ему приходилось одалживать магическую силу у Юань Чжэнчу. К тому же способность призывать Кисть Судьи и соединяться с кругом перерождений у него то срабатывала, то нет.

Юань Чжэнчу посоветовал ему после очищения человеческой души от скверны и определения её причинно-следственных связей этой жизни отправлять её напрямую в Преисподнюю. Там чиновники ведомств Инь сами распорядятся, что делать дальше. В конце концов, напрямую открывать шесть путей перерождения было слишком затратно по магической силе. К тому же следовало опасаться, что кто-нибудь воспользуется случаем для нападения: человека, стоявшего за кукольной техникой и той ночной атакой на Цуй Сяня, до сих пор не нашли.

Поэтому последние несколько дней Цуй Сянь перебирал в памяти все трактаты рода Цуй, которые когда-то выучил наизусть, учился прямо в процессе и одновременно пытался понять, как именно отправлять души в Преисподнюю. В итоге он измотался чуть ли не до полусмерти.

Ранним утром Юань Чжэнчу закончил медитацию и восстановление сил, посмотрел на вялого Цуй Сяня рядом, на тяжёлые тёмные круги под его глазами и наконец не удержался от жестокой, но правдивой фразы:

— У тебя слишком слабое тело. Если так продолжится, долго ты не проживёшь.

Цуй Сянь закатил глаза:

— Большое вам спасибо. Теперь хоть знаю, что помру молодым.

— Тогда почему бы тебе не начать тренироваться вместе со мной?

Цуй Сянь слегка оживился:

— С моими-то разорванными духовными меридианами я вообще могу практиковать?

Юань Чжэнчу кивнул:

— В даосской практике существуют разные школы, поэтому и способы совершенствования различаются. Большинство совершенствует только дух, надеясь отсечь три тупа и обрести бессмертие. Некоторые занимаются внутренней алхимией и полагаются на внешние средства. Есть и те, кто совершенствует тело, стремясь достичь святости во плоти.

— А ты что практикуешь? Почему ты такой сильный?

— Учитель обучил меня совместному совершенствованию природы и жизни, внутреннего и внешнего. Дух питает тело, тело закаляет дух.

— Ого, звучит очень мощно. Ничего не понял.

— ...Проще говоря, я совершенствую всё.

— А мне с тобой что можно практиковать? Алхимию? Хотя я даже обычную еду готовлю так, будто провожу биохимический эксперимент. Если ещё и пилюли начну делать... хм, пожалуй, тогда умру ещё раньше.

Юань Чжэнчу вспомнил славный подвиг Цуй Сяня несколькими днями ранее: из-за бедности тот попытался приготовить еду сам и в итоге чуть не взорвал кухню. После недолгого молчания он сказал:

— Ты можешь заняться закалкой тела. Если будешь действительно усердно тренироваться, обычные практики тебе уже не будут соперниками.

В сердце Цуй Сяня тут же вспыхнула надежда. Главная его проблема сейчас как раз заключалась в том, что он совершенно не умел защитить себя.

— Но придётся принимать лекарственные ванны, дополняя их иглоукалыванием и массажем, чтобы проводить духовную энергию через точки и каналы.

Цуй Сянь энергично закивал:

— Буду! Конечно буду! Внизу в ящике ещё остался пакет порошка со старым имбирём для ванночек ног! Я прямо сейчас пойду замачиваться.

Юань Чжэнчу схватил за руку Цуй Сяня, который уже, словно живая рыба, перевернулся и собирался вскочить.

— В качестве основы понадобится древесина, питающая душу; на одну полную процедуру - целый корень горного женьшеня, не менее трёхсот лет накапливавшего духовную энергию; два целых столетних линчжи; пять стеблей призрачной духовной травы из глубокого ущелья...

— Стоп.

Цуй Сянь молча снова улёгся на кровать и с умиротворённым видом заботливо укрыл себя одеялом.

— Хватит. Я решил, что лучше всё-таки умру молодым.

Неудивительно, что в совершенствовании все вступали в школы и наследовали традиции. При таких расходах без солидных запасов даже ванну ученику толком не приготовишь.

Юань Чжэнчу повернулся набок и посмотрел на Цуй Сяня, лежавшего на кровати с пустым взглядом, словно солёная рыба. В его глазах мелькнула улыбка, а уголок губ едва заметно приподнялся.

— После того как я спустился с горы, мне довелось немало побродить по диким горам и крутым хребтам. Кое-какие запасы я всё же собрал.

Глаза Цуй Сяня мгновенно загорелись. Он перекатился, вскочил и ловко опустился на колени прямо на кровати.

— Бу полжизни скитался без пристанища и так и не встретил достойного господина. Если вы не отвергнете меня, желаю признать вас своим названным отцом*!

(ПП: В романе «Троецарствие» эту фразу произносит Люй Бу - знаменитый полководец, известный своей силой, но также и предательством. Он обращается к Дун Чжо с предложением стать его приёмным сыном. В этом контексте фраза звучит иронично или зловеще, потому что Люй Бу в итоге предал и убил Дун Чжо. Фразеологизм стал символом лести перед

предательством.)

Юань Чжэнчу неторопливо поднялся и принялся спокойно поправлять одежду.

— Отцом меня звать не надо. Лучше скажи: «старший брат Юань».

Цуй Сянь растянул рот в широкой, откровенно заискивающей улыбке:

— Старший брат Юань! Хе-хе, старший брат Юань, а что мы сегодня на обед готовим?

Юань Чжэнчу закатал рукава и под торжественные проводы Цуй Сяня направился на кухню, где из оборудования была одна только плита.

— Жареную длинную фасоль.

Цуй Сянь посмотрел на убогую корзину с овощами на кухне, где из всего съестного лежала одна только стручковая фасоль, и вздохнул. Вот уж действительно: раз фасоль, два фасоль, и каждый раз фасоль. Как бы хорошо Юань Чжэнчу ни готовил, Цуй Сяню всё равно уже начинало надоедать.

Вытяжки на кухне не было, поэтому Цуй Сяня быстро выгнало наружу дымом и запахом готовки. Он прислонился к косяку и стал смотреть на широкоплечую, длинноногую фигуру мужчины, который молча стоял у плиты среди кухонного жара и дыма. Но эта самая обычная бытовая сцена вдруг заставила его слегка потеряться в мыслях, и он невольно выпрямился.

Когда это они успели стать настолько близки? Он ведь даже со своим другом детства Чжань Чуанем никогда не спал в одной постели.

То, насколько естественно всё это произошло, удивляло Цуй Сяня. Он прекрасно знал, что за человек: всегда настороже, всегда держит дистанцию. «Друзей» у него хоть по всему свету собирай, а тех, кому он действительно открывал сердце, почти не было.

Но в его глазах Юань Чжэнчу словно понемногу «оживал». Поначалу от него веяло такой свирепой, убийственной ци, что невозможно было понять, человек перед тобой или призрак, а теперь всё это постепенно менялось. Из холодного и прекрасного клинка он превратился в человека с суховатым юмором, который умел подхватить его шутку, мог словесно одержать над ним верх и заставить назвать себя старшим братом, а ещё неторопливо готовил еду. Его тело было тёплым, от него едва заметно пахло лотосом, а когда ночью Цуй Сянь обнимал его, становилось спокойно и уютно...

Чем дальше Цуй Сянь думал, тем глубже уходил в свои мысли и в конце концов просто опустил голову и застыл у двери. Так он и стоял, пока вышедший с блюдом Юань Чжэнчу не поднял руку и довольно ощутимо не стукнул его по лбу.

— Есть.

Цуй Сянь послушно развернулся.

— Ага.

Он мотнул головой. Ладно, плевать. Материалы для лекарственной ванны нужно достать во что бы то ни стало. Сначала вытрясем все запасы из этого молодого даоса, а там разберёмся!

Юань Чжэнчу шёл впереди и вдруг почувствовал, как за спиной словно потянуло зловещим холодком.

Цуй Сянь издавал мрачное:

— Хе-хе-хе...

Юань Чжэнчу решил, что новый Судья рода Цуй, должно быть, окончательно свихнулся от ежедневной фасоли.

<http://bllate.org/book/18411/1990794>